

© 2018 г.

В.И. БАЛАКИН

ЗАРУБЕЖНЫЕ КИТАЙСКИЕ ДИАСПОРЫ И ВОСТОЧНОАЗИАТСКАЯ ИНТЕГРАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ КНР 2007–2017 годов

Балакин Вячеслав Иванович — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (Москва, Россия).

DOI: 10.7868/S013038641803006X

ВВЕДЕНИЕ

Интеграционная стратегия КНР в период 2007–2017 гг. в значительной степени опиралась на поддержку влиятельных зарубежных китайских диаспор, особенно тех, которые издавна проживали в странах Юго-Восточной Азии¹. Сегодня целенаправленную политику Пекина в отношении зарубежных китайских общин многие исследователи называют важнейшим элементом геополитической линии китайского руководства на международной арене. Китайская государственность в течение тысячелетий являлась неким эталоном для стран восточноазиатского региона. Сформировавшиеся в этих странах китайские общины строили взаимоотношения внутри себя и вовне, используя конфуцианские этические нормы. Именно этот феномен позволил создать уникальный «китайский мир» (*Pax Sinica*), обеспечивший непрерывное развитие региональной, а позднее глобальной китайской цивилизации.

Любая китайская зарубежная община представляет собой китайскую государственность в миниатюре, в рамках которой активно действуют практически те же традиционалистские порядки. Традиционализм всегда играл в Восточной Азии весьма заметную роль, являясь устойчивой основой для формирования максимально тесных и разветвленных интеграционных связей между государствами, всегда относивших себя к великой конфуцианской цивилизации². Китай как крупнейшая страна данной цивилизации последовательно стремится использовать все имеющиеся в его распоряжении средства и методы, чтобы нарастить интенсивность процесса укрепления собственных геополитических позиций, а также расширить свое влияние в регионе. Особенно важным для достижения обозначенных долгосрочных целей представляется целенаправленное вовлечение в процесс этнического и культурного потенциалов, которые активно используются Пекином на стратегических направлениях его внешней политики. Тем не менее нельзя не отметить, что взаимодействие Китая со своей зарубежной диаспорой в последнее десятилетие постепенно претерпевало достаточно крупные изменения в зависимости от внутрисполитической ситуации в стране и тех объективных задач, которые КНР должна была срочно решать на международной арене на каждом конкретном этапе.

Среди упомянутых задач следует выделить следующие, а именно: противодействие ассимиляции хуацяо (выходцев из Китая, живущих в других странах) в странах

¹ Wu Z. Jinnian Zhongguo xuejie yu Dongya yitihuade yanjiu shuping (Comments on Chinese on Chinese Studies on East Asian Integration in Recent Years). — *Xianzai guoji guanxi* (Contemporary International Relations Journal), 2015, № 10, p. 18.

² Nathan A. Patterns of Traditionalism in East Asia. *East Asia Barometer: A Comparative Survey of Democratization and Value Changes*. New York, 2013, p. 9.

пребывания, расширения принципа защиты со стороны КНР на членов семей хуацяо, а также гарантирование интересов всех китайцев-мигрантов в глобальном масштабе. На основе действующей китайской конституции 1982 г. последовательно продолжается уточнение стратегии работы с зарубежными китайскими общинами. Всекитайское собрание народных представителей приняло ряд законов, вменяющих правительству КНР в обязанность обеспечивать использование широких политических и финансовых возможностей для привлечения значительного интеллектуального потенциала зарубежных китайских диаспор в национальных интересах Китая³. Во всех официальных документах китайских властей делается акцент на достижении тесного согласованного взаимодействия с общинами хуацяо и ставится стратегическая задача формировать общие долговременные тенденции создания сплоченного глобального «китайского мира». Важно, что в последнее десятилетие понятие хуацяо было заметно расширено и в их число постепенно стали включать также граждан КНР, постоянно проживающих за рубежом.

Сложный процесс консолидации зарубежных китайских общин в 2007–2017 гг. привел к тому, что размылись прежде существовавшие категории зарубежных китайцев. Сегодня уже потеряло свою актуальность деление хуацяо на поддерживающих власти КНР, противников коммунистического Китая, а также не определившихся в отношении зарубежной ассимиляции и тех, кто вообще не чувствуют себя китайцами. Политика Китая в отношении своей диаспоры заметно и достаточно серьезно изменялась в прямой зависимости от развития политической ситуации внутри страны. Статьи китайской конституции, защищающие права и интересы китайцев за рубежом, с 2007 г. стали основой для разработки стратегии сотрудничества с зарубежной диаспорой, принятия ряда законов и правительственных программ по правовой защите зарубежных китайских общин, по рациональному использованию их весьма разветвленных и масштабных финансовых возможностей, задействование их интеллектуального потенциала в деле стимулирования китайской экономики, развития научно-технической и производственной сфер⁴. Пекин стал проводить политику по расширению влияния хуацяо за рубежом и проведения специальных мероприятий по внедрению авторитетных представителей зарубежных китайцев в местные правительственные структуры.

ФОРМИРОВАНИЕ КИТАЕМ ВАЖНЕЙШИХ НАПРАВЛЕНИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЗАРУБЕЖНЫМИ КИТАЙСКИМИ ОБЩИНАМИ

Основная роль во взаимодействии с зарубежными китайскими общинами играет государственное ведомство по делам зарубежных китайцев (ВДЗК), созданное в 1949 г. и воссозданное после короткого перерыва в 1974 г. Названное учреждение напрямую подчиняется Госсовету КНР и занимается защитой прав и интересов зарубежных китайцев в странах их проживания. Руководство Китая в 2007 г. поставило задачу перед ВДЗК охватить всех этнических китайцев вне зависимости от их гражданства, делая акцент на их внутренней глубинной связи с родиной. В КНР намечены четыре основные направления работы с зарубежными китайскими общинами, а именно: вовлечение зарубежных китайцев в процессе модернизации Китая; авторитетные лидеры зарубежных китайских диаспор должны всеми силами способствовать мирному воссоединению Китая; через зарубежных китайцев Пекин надеется распространять китайскую культуру и влиять на отношения к китайцам в странах их проживания; зарубежным китайским общинам вменяется преодолевать разногласия с другими этническими группами в странах своего пребывания, привлекать их к совместному

³ Gan Y. Zhongguo daolu, sanshi nian yu liushi nian (China Road: Thirty Years and Sixty Years). — Dushu Journal, 2007, № 6, p. 3–13.

⁴ Goh S. 19th Party Congress: China Urges Overseas Chinese to Respect Culture of Host Countries. The Straits Times. — Taipei, 21.X.2017.

отстаиванию своих законных прав. Указанные выше направления внешнеполитической активности КНР отражают серьезную обеспокоенность китайского руководства возможностью вовлечения представителей китайской диаспоры в политические акции против властей КНР⁵.

Правительство Китая уделяет первостепенное внимание проблеме системного укрепления лояльности зарубежных китайских общин внешнеполитическому курсу Пекина на международной арене. В период 2007–2017 гг. в данном вопросе закрепился достаточно прагматический подход, суть которого сводится к целевой работе по линии территориальных землячеств, в среде которых эмоциональные чувства к «малой родине» всегда выражались в росте прямых инвестиций на местных уровнях. Во многом логика подобного сотрудничества поощрялась центральными и региональными властями КНР через достаточно эффективные механизмы хозяйственного развития — такие, как свободные экономические зоны. В результате во многих китайских провинциях прямые иностранные инвестиции зарубежных китайцев стали определяющим фактором формирования устойчивого осознания цивилизационного единства «китайского мира»⁶. Последний превратился сегодня в достаточно эффективный канал распространения китайского культурного влияния, а также продвижения на наиболее важные с точки зрения Пекина зарубежные рынки прямых экспортных возможностей китайских производителей.

Начиная с 2014 г. власти КНР стали усиленно поощрять прямые инвестиции китайских компаний в зарубежные активы и в первую очередь на территории США и Евросоюза. Учреждаемые за рубежом китайские предприятия преследуют не только и не столько цель извлечения максимально возможной прибыли, но и успешно совмещают свое присутствие с решением более общей задачи по вовлечению зарубежных китайцев в процесс активного формирования «китайского мира». Именно на данном важнейшем направлении внешнеполитической деятельности руководство Китая видит реальную возможность мирного решения тайваньской проблемы. В Пекине считают, что бремя единения Китая является общенациональным, а потому государство, общественные организации и частный бизнес должны в равной мере вносить свой вклад в укрепление величия родины. В этой связи КНР постепенно начинает смягчать свою приверженность принципу невмешательства во внутренние дела государств, где проживают крупные китайские общины, что предусматривает сегодня возможность активного экстерриториального политического вмешательства.

Взаимодействие КНР с китайцами, проживающими за рубежом, осуществляется во многом исходя из интересов обеспечения стратегической безопасности как в странах нахождения диаспор, так и внутри самого Китая. Отстаивание политических интересов Пекина вынуждает зарубежных китайцев проявлять чудеса диалектического мышления, поскольку им очень не хочется рисковать при обеспечении величия Китая своим сложившимся социальным статусом и финансовым благополучием⁷. В данной связи КНР попадает в сложную геополитическую ситуацию, когда предстоит преодолеть сложившуюся объективную систему узких экономических интересов зарубежных китайских общин. Они, как правило, под разными предлогами уклоняются от открытой политической поддержки курса КНР на глобальное доминирование, одновременно рассчитывая поучаствовать в дележе возможных экономических преференций. Но есть вероятность того, что правительство Китая введет для зарубежных китайцев «ценз на лояльность», предоставляя привилегии только тем, кто действительно занимает патриотическую позицию.

⁵ *Paterson G.* Overseas Chinese in the Peoples Republic of China. — *Journal of International and Global Studies*. London, 2012, p. 102–144.

⁶ *Mohri R.* Tyugoku no gurobaru keizai-e no sanyu togo (Вхождение Китая в глобальную экономику и ее единение). Tokyo, 2007, p. 563.

⁷ *Yin X.* Diverse and Transnational: Chinese (PRC) Immigrants in the United States. — *Journal of Chinese Overseas* 2007, v. 3, no.1, p. 122–145.

КОНЦЕПЦИЯ ДЭН СЯОПИНА О «ПРИНЦИПЕ КРОВИ» В ОТНОШЕНИЯХ КНР С ЗАРУБЕЖНЫМИ КИТАЙСКИМИ ОБЩИНАМИ

В свое время архитектор современного Китая Дэн Сяопин сформулировал идею о том, что китайцы на материке, на Тайване, в Сянгане и Аомэне, а также заморские хуацяо являются сыновьями и внуками китайской нации⁸. Руководство КНР в полной мере осознает неоднородность такого сообщества, как зарубежные китайцы, и старается проявлять весьма дифференцированный подход к каждой конкретной группе, привлекая ее к сотрудничеству с Пекином прежде всего на патриотической основе, опирающейся на понятный всем ханьцам и национальным меньшинствам «принцип крови». В действующем на сегодняшний день традиционно многопрофильном законодательстве КНР установлены соответствующие достаточно ощутимые льготы, учитывающие специфику взаимоотношений с зарубежными китайскими общинами в зависимости от уровня приверженности страны их пребывания с Китаем. От стран пребывания китайских диаспор КНР всегда ждет прежде всего согласия на перемещение за рубеж накапливающегося огромного трудового потенциала китайских мигрантов, что практически представляет собой целенаправленную государственную политику, в основе которой лежит стратегия активного выхода производителей из Китая на зарубежные рынки. В обозримой перспективе предполагается постепенно качественно и системно расширить условия транснационального хозяйствования ведущих китайских компаний и включение в сферу их деятельности эффективных предприятий, созданных зарубежными китайскими общинами.

Модели поведения зарубежных китайцев становятся серьезным фактором воздействия не только внутри восточноазиатской цивилизации, но и в связях последней с евроазиатской цивилизацией. Только исходя из тщательного учета данного фактора можно надеяться на осознание долгосрочных перспектив геополитических процессов, начало которым закладывается в настоящий момент. Зарубежное китайское сообщество исповедует принцип геополитической иерархии, на практике исключающей внутреннее искреннее подчинение властям стран пребывания диаспор⁹. В сущности, зарубежные китайские общины представляют собой «передовые отряды» традиционной китайской стратегической дипломатии, истинная суть которой состоит в недопущении геополитического и геоэкономического усиления важнейших для последовательного формирования всех долгосрочных национальных интересов Китая государств мира, а также в заблаговременном предотвращении возникновения антикитайских союзов. Популярная в Пекине идея создания «Большого Китая» во многом основывается на стремлении превратить зарубежные китайские общины в очаги целевого цивилизационного влияния, системно включающего помимо устоявшейся экономической, также и мощный геополитический компонент.

Концепция Дэн Сяопина о «принципе крови» в отношениях КНР с зарубежными китайскими общинами получила свое всеобъемлющее развитие именно в последнее десятилетие. Был пересмотрен сложившийся подход к отношениям с хуацяо на уровне высшего китайского руководства, когда логично произошла политическая трансформация процесса формирования стратегии всемерного использования таких факторов, как историческое наследие и укоренившиеся традиции, которые оказались весьма успешными в новых условиях, настоятельно требующих нейтрализации деструктивных вызовов глобализации по американскому образцу. Политический постулат С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций», приводящего в итоге к дальнейшему доминированию Запада в лице единственной сверхдержавы США оказался

⁸ Murooka T. Change in Continuity: The Dynamics of the China-Taiwan Relationship. Tokyo, 2017, p. 22.

⁹ Wanka J. China Strategy 2015–2020: Germany Federal Ministry of Education and Research. Rostock, 2015, p. 4.

несостоятельным перед лицом набирающего силу Китая, который утверждает свои национальные ценности на фоне отказа от вестернизации и демократии западного образца¹⁰. «Зов крови» по-китайски вполне сочетается сегодня в геополитических построениях руководства КНР с созданием устойчивых предпосылок для глобальной проекции китайских же цивилизационных ценностей не только в среде зарубежных китайцев, но и среди всё более симпатизирующих китайскому опыту сохранения национальной государственности развивающихся стран. Полностью доказанная жизнеспособность китайской государственности является мощным и весьма привлекательным примером весьма эффективного выживания в агрессивной среде современного мира, диалектика развития которого приобретает всё менее прогнозируемый характер.

Глубокое усвоение ценностей сложившейся политической культуры китайским обществом происходит непрерывно и в зарубежных общинах китайцев, включая устойчивые образцы отношений с властью. Именно подобные образцы формируют политические представления в глобальном китайском мире и по большому счету делают китайскую нацию вполне системной. Исходя из «принципа крови», на геополитическом уровне политика в западном ее понимании не имеет ничего общего с китайским менталитетом. Государственность многими тысячелетиями выступала в Китае в качестве сакральной категории, а политика понималась не более чем выполнением административных функций¹¹. Политическая составляющая китайской традиции всегда диктовала строгую иерархическую соподчиненность верхов и низов, что во многом предопределено самосознание современных китайцев, объединяющее их на основе ценностных ориентаций в этически консолидированное сообщество, независимо от места их проживания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восточноазиатскую интеграционную стратегию в период 2007–2017 гг. Китай намерен развивать и дальше, ориентируясь на достижение значимых политических целей на пространстве Евразии. Одной из важнейших долгосрочных целей является превращение в сограждан соотечественников на Тайване, численность которых достигает 23 млн человек. Тайваньцы особенно желанны в качестве граждан единого Китая, поскольку их финансовый вклад в модернизацию китайской экономики мог бы оказаться определяющим в обозримой перспективе. Уже сегодня зарубежная китайская диаспора во многих странах обеспечивает наибольшую часть иностранных инвестиций в экономику КНР, и при этом у всех у них прослеживаются тайваньские источники, по разным оценкам совокупно превышающих 80% всех зарубежных капиталовложений. За последнее десятилетие всё больше китайцев по всему миру живут на два, а то и на три дома, создавая бизнес там, где это наиболее выгодно; именно это привело к созданию на территории КНР сотни тысяч весьма успешных предприятий¹².

Имеющийся опыт Китая за период 2007–2017 гг. вполне наглядно продемонстрировал явную безусловную успешность сформированной китайским руководством системы работы с соотечественниками. Упор делается не только и даже не столько на тесное экономическое сотрудничество, но и на поддержание общекультурной идентичности, что позволяет реально продвигать в огромные массы проживающих за рубежом китайцев стойкое ощущение единства большой родины. Вместе с тем на сегодняшний день руководство КНР вполне ясно осознаёт, что в целом зарубежная китайская диаспора представляет собой достаточно разнообразное явление и что оно складывалось в течение многих столетий. Это позволило накопить огромный

¹⁰ *Shi-Kupfen K., Ohlberg H., Lang S., Lang B.* Ideas and Ideologies: Competing for China's Political Future. European Research Council. Mercator Institute for China Studies. — Paper on China, 2016, № 5, p. 12.

¹¹ *Tang J.* Modern Chinese Philosophy. Brill — Leiden — Boston, 2017, p. 178.

¹² *Chao C.* Report on Citizenship Law: China and Taiwan. Edinburgh, 2016, p. 28.

цивилизационный потенциал весьма особого китайского миропонимания. На нынешнем этапе своего развития китайские общины за рубежом объединены прежде всего общим пониманием своей духовной культуры и на практике стараются не определяться политически¹³. Со своей стороны власти Китая также делают ставку не на правовые аспекты в сотрудничестве с зарубежными диаспорами, а на создание самого благоприятного культурного фона, считая последний приоритетным в решении всех других практических задач.

Китайцы сразу уловили новые тенденции современного мира, суть которого в заметном усилении этнической составляющей внешней политики. Национальная государственность постепенно становится цивилизационным аккумулятором большей части соотечественников, проживающих за рубежом, что является серьезной проблемой лояльности для государств, имеющих подобные общины. В первую очередь это относится к китайским хуацяо, расселившимся по всему миру. Главные опасения связаны с тем, что зарубежные китайцы в подавляющей своей части лояльны идее «общей великой родины», ядром которой сегодня безусловно признается Китайская Народная Республика¹⁴. Так называемая тесная общекайтайская солидарность — уже сформировавшаяся тенденция, изменить которую никто не в силах, хотя попытки сделать это не прекращаются, но приводят они лишь к росту авторитета пекинских властей, находящих всё более и более изощренные ходы в борьбе за консолидацию «кайтайского мира».

В ближайшей перспективе Китай делает особый акцент на диверсификации политики в отношении китайских зарубежных диаспор в зависимости от существующих региональных условий в мире. Российская Федерация не является исключением в планах Пекина, поскольку политика китайских властей по созданию собственной диаспоры в России пока далека от успеха. Особые надежды в КНР возлагают на проект сопряжения Евразес и пояса Шелкового пути, в рамках которого китайцы собираются насытить своими трудовыми ресурсами отдельные районы Сибири и Дальнего Востока. Таким образом, проблема зарубежных китайских общин является сегодня политически актуальной не только для США и Евросоюза, но и для России, так как консолидация китайской диаспоры на территории любого титульного иностранного государства всегда сопровождалось юридическим оформлением ее политических прав. Любая зарубежная диаспора всегда представляет собой некое хранилище этнокультурного наследия на иностранной территории и в данной связи понятно такое серьезное внимание со стороны Пекина к своим зарубежным диаспорам, особенно в странах Восточной Азии, где Китай планирует создать через известный проект «один пояс — один путь» интеграционное объединение, представляющее собой региональное воплощение китайских цивилизационных идей¹⁵.

¹³ Cook S. The Battle for China's Spirit. — A Freedom House Special Report, February 2017, p. 6.

¹⁴ Mohamad S. Chinas neue externe (Geo) Politik. Berlin, 2013. S. 44.

¹⁵ Chhibber A. China's One Belt One Road Strategy. Washington, 2017, p. 10.